

Глава первая

Бесполезно.

Ничего не получалось.

История не складывалась.

Вдобавок... с верхнего этажа...

Слегка качнувшись под собственным весом, Эльвира встала. Она была женщиной крупной, но, по её словам, виной тому была широкая кость, а вовсе не горячий шоколад со сливками, который она пила после обеда каждый день. Так или иначе, Эльвира, рассерженная и взволнованная, потопала к лестнице, ведущей из кабинета на верхний этаж, где...

— Сейчас я ей задам. Ох как задам! Невозможно работать в таких условиях. Пусть слушает музыку, пусть играет на здоровье, но нельзя же вот так... Сверх всякой меры...

Пыхтя и отдуваясь, она наконец преодолела последнюю ступеньку, оказалась на лестничной площадке и с яростью урагана распахнула дверь.

— Я уже два часа сижу над одной строчкой и никуда не продвигаюсь, можно мне хоть немного

тишины, хоть самую малость, чтобы я хоть секун-
дочку не слышала этот... этот...

Как же назвать *этот* звук?

— Ты можешь хотя бы иногда играть спокойную
классическую музыку вместо этой...

Нет, она никак не могла подобрать нужное слово.

— Вместо этой КАКОФОНИИ!

Не лучшее определение, но другого не нашлось.
Эльвира прекратила кричать и, отдышавшись, под-
няла голову в ожидании, что Кончетта ей ответит.

Но Кончетта...

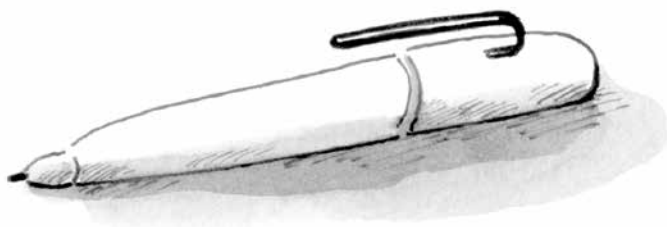
И не думала играть.

Ни классическую музыку, ни рок.

Погружённая в себя, в плотно надетых на голову
наушниках, она покачивалась и подпрыгивала, как
лодка посреди бушующего моря.

Эльвира уставилась на Кончетту, ещё более рас-
серженная и вдобавок слегка сбита с толку, пото-
му что звук, несомненно, был.

Надоедливый.

Противный.

Настолько надоедливый и противный, что она не могла написать и страницы.

Растерявшись, Эльвира подошла к Кончетте и потрясла её за плечо.

— Если это розыгрыш, то совершенно дурацкий. Я знаю, ты её спрятала.

Но Кончетта молчала.

Она так и качалась туда-сюда с закрытыми глазами, раскинув руки и не обращая на Эльвиру никакого внимания.

— Эй, ты слышишь меня или нет? Доставай скрипку! Я знаю, что ты на ней играла!

Кончетта покачалась ещё немного, но потом наконец сняла наушники и открыла глаза.

— Что? Ты что-то сказала? Прости, я... Хочешь послушать? Сильная вещь! Просто невероятная!

— Не прикидывайся! Звук. Тот звук. Тот чудовищный надоедливый шум. Это всё ты и твоя скрипка, ты нарочно устроила кошачий концерт, чтобы я не смогла ничего написать!

— Ничего подобного, Эльвира, я даже не доставала скрипку из футляра! Может, ты... у тебя... воображение разыгралось?

— Какое ещё воображение? Я уже несколько часов не могу сосредоточиться!

— Вот видишь! В этом-то и дело! Ты на взводе, разнервничалась, вот тебе и слышится всякое.

Наверняка это был ветер, Эльвира, или... олень! Тем более... Сама знаешь, сейчас брачный сезон!

Кончетта подмигнула и ухмыльнулась. Но Эльвире было не до подмигиваний и ухмылочек.

Фыркнув, она враскачку пустилась вниз по лестнице, бормоча что-то под нос и то и дело останавливаясь, чтобы перевести дух.

На первый взгляд казалось, что кабинет погружён в тишину.

Прежде чем войти и снова приняться за работу, Эльвира замерла у двери и прислушалась.

Ничего.

Только кухонный кран издавал еле слышное *кап-кап-кап*.

«Ладно, — подумала Эльвира. — Попробуем ещё раз».

Но как только она уселась, шум возобновился.

Ещё более резкий и неприятный.

Эльвира вскочила и стукнула кулаком по столу.

— Ну всё, теперь-то я ей задам! Розыгрыш затянулся!

И она снова быстрее урагана взлетела по лестнице, распахнула дверь и, не тратя времени на слова, бросилась к Кончетте.

— Думаешь, это смешно? Я знаю, это твоих рук дело. А наушники ты надела только для вида!

— Я? Да что я сделала?! Серьёзно, Эльвира, ты ошибаешься, я и не думала тебя разыгрывать!

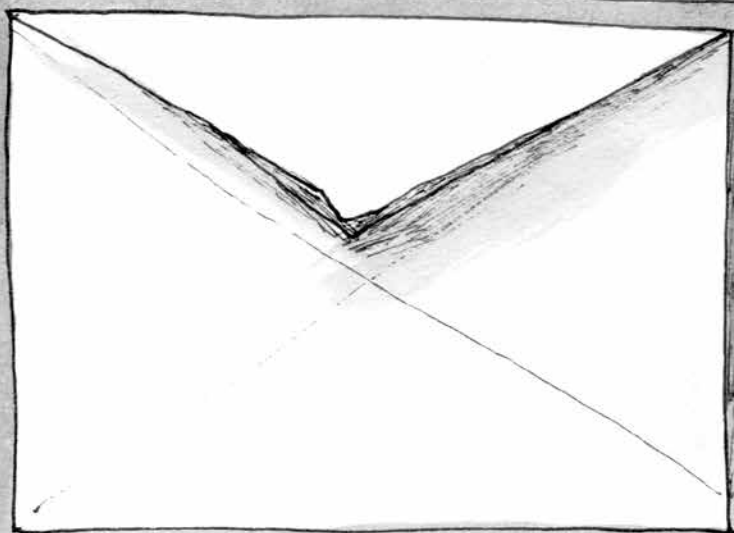

Сверля Кончетту сердитым взглядом, Эльвира поворчала ещё немного, а затем, побрюзжав напоследок, открыла дверь и во второй раз отправилась вниз по лестнице, теперь уже молча.

Уважаемое агентство «Дома и чердаки»!

Полагаю, нашу сделку можно считать состоявшейся. Дом полностью соответствует описанию в объявлении: высокий, узкий и кривой. Зато чердак весьма впечатляет, и вид оттуда отличный. Я бы предпочёл вариант без соседей, но если вы гарантируете, что они не будут мешать... Я согласен. Буду ждать договор по почте.

С наилучшими пожеланиями,
синьор П.

Глава вторая

Эльвира и Кончетта уже много лет жили вместе в своём узком, высоком, кривом доме. Трёхэтажный, с дымоходом, балансирующим на коньке крыши, этот дом напоминал башню.

Однако Эльвира и Кончетта не были сёстрами. Впрочем, на этот счёт ни у кого и не возникало сомнений: пышка-Эльвира отличалась дородностью,

а Кончетта, напротив, была худой как щепка. Одна опустошала местную кондитерскую, а вторая питалась морковкой, иногда съедая вдобавок немножко укропа, салатных листьев да полсардинки. Они и одевались по-разному: Эльвира всегда носила чёрное («Потому что чёрный стройнит!»), а Кончетта предпочитала морской стиль — тельняшку с капитанской фуражкой. К тому же у неё была татуировка на плече, коллекция корабликов в бутылке, «Полный справочник морских узлов» и целая куча географических карт. На подставке для книг в её кабинете даже сидел набитый соломой попугай! А на крыше вместо обычного флюгера-петуха развевался самый настоящий пиратский флаг с черепом и костями, ни больше ни меньше. Короче

говоря, любой, кто желал узнать что-нибудь о кораблях, мог преспокойно обратиться к Кончетте.

Уж она бы надолго усадила его в кресло и заваляла сведениями.

Жаль только, что такая возможность никогда ей не выпадала: в их деревушке на вершине горы никого не интересовали ни корабли, ни моря, ни пираты. Здесь все думали только о двух вещах: зимой — о лыжах, летом — о козах.

Разве что по вечерам, когда подруги устраивались в креслах у камина, Эльвира иногда спрашивала у Кончетты что-нибудь вроде «Где находится Марианская впадина?» или «Бермудовский треугольник взаправду существует?».

Сначала Кончетта так и взвивалась:

— Бермудский! Он называется Бермудский! Я тебе тысячу раз говорила! Ты совсем меня не слушаешь?

Но Эльвира не отставала:

— Ну пожалуйста! Мне нужно для одной моей истории...

Тогда Кончетта принималась рассказывать, сперва спокойно, а потом всё больше увлекаясь: от Бермудского треугольника она переходила к подробному перечислению пиратов, пересказу легенд и небылиц, а из Средневековья незаметно попадала в девятнадцатый век.

Чего скрывать, порой Эльвира задрёмывала, да и, по правде, историй о пиратах она в жизни

не сочиняла. Но Кончетта, поглощённая мыслями о морях, этого не замечала, а если и замечала, то не обращала внимания. Волны, галеоны, клады, закопанные на необитаемых островах, — говорить обо всём этом было так приятно, что Кончетта просто не могла думать ни о чём другом. В том числе потому, что настоящее море она, надо сказать, никогда не видела.

Только горы.

Горы.

Сплошные горы.

Те, что окружали их дом, деревушку и всю долину.

Глава третья

Однако в тот вечер у камина Эльвира не задала ни одного вопроса: ни о Бермудском треугольнике, ни о Марианской впадине — ни о чём. Она сидела будто воды в рот набрав и смотрела на догорающие поленья, вспоминая тот ужасный шум и бросая на Кончетту сердитые взгляды.

Наконец подружки встали и, как бывало после ссор, разошлись по своим спальням, даже не пожелав друг другу спокойной ночи.

Эльвира разделась, почистила зубы и, облачившись в чёрную ночную рубашку, нырнула под одеяло.

«Прекрасно, — подумала она. — Наконец тишина».

А чем лучше всего заниматься в такой волшебной тишине?

Конечно же, сочинять рассказ.

Но не успела она придумать даже первое предложение, как снова раздался тот звук, сначала тихий, вроде шума в голове, а потом...

Эльвира мигом откинула одеяло и замерла, прислушиваясь.

Было похоже... на нескончаемый надоедливый скрежет...

На бесконечное нервное постукивание...

На...

...громыхание цепей под крышей.

Секундочку... Громыхание цепей под крышей?!

Эльвиру вдруг осенило, что Кончетта здесь совершенно ни при чём, ведь её кабинет этажом ниже, в то время как этот звук...

Казалось, он доносится с самого верха... Точно, с чердака. Или даже с крыши.

К тому же он стал более громким, более резким, более...

— Боже мой! — прошептала Эльвира.

Что, если...

От одной этой мысли Эльвира юркнула под одеяло и спряталась под ним с головой.

Что, если это призрак, который хочет замучить её этим жутким скрежетом?!

Она вскочила, надела тапочки и через секунду уже стучала в дверь Кончетты.

— Кончетта! Кончетта, открой! Быстрее! Там... Там... — Она была не в силах это произнести. От одной мысли её сердце начинало трепыхаться, а желудок сжимался. — Кончетта, умоляю, открой! Это срочно, Кончетта, ну быстрее же!

Спустя добрый десяток ударов в дверь — соседка Эльвиры всегда спала так, что из пушки не разбудишь, — Кончетта всё-таки появилась и, зевнув спросонья, принялась ругаться:

— Может, объяснишь, почему ты вопишь посреди ночи? Если это снова из-за твоего рассказа... Да отложи ты его, утро вечера мудренее! Вот увидишь, завтра всё получится!

— Н-нет, дело не в этом, то есть не совсем...

— Да что случилось? Ты что, призрака увидела? Ты бледнее бумаги!

При слове «призрак» Эльвира подпрыгнула.

— Ты... ты тоже его слышала?

— Кого?

— При... призрака!

— Да что ты заладила — призрак да призрак!
Я ведь просто так сказала, а ты бормочешь чепуху
и дрожишь как осиновый лист!

— Я... в общем... я снова его слышала.

Эльвира замолчала, а затем продолжила шёпотом:

— Тот сегодняшний звук. Кстати, ты уж извини. Я думала, это ты... и твоя скрипка, но теперь... теперь мне всё ясно. Над моей спальней живёт призрак, он за мной следит!

Последнюю фразу она произнесла так тихо, что даже Кончетта, хоть и стояла в одном шаге, не слышала и громко переспросила:

— Что ты сказала? За тобой следит призрак и... топает у тебя над головой?!

— Ш-ш-ш! Потихе, Кончетта!

— Эльвира, ты что, спятила?

— Н-нет... Что ты несёшь? Я же говорю, я слышала, там... цепи... Будто кто-то грохочет цепями прямо над моей спальней, это... это просто кошмар, как ты не понимаешь?

— Зато я понимаю, что из-за этих твоих рассказов ты скоро совсем рехнёшься. Давай-ка успокойся и возвращайся к себе, всё будет хорошо, вот увидишь. Погоди, я тебя провожу. Сейчас.

Кончетта тоже надела тапочки, и подруги поселились по узкому коридорчику между спальнями.

Дверь в комнату отворилась: внутри было тихо.

— Клянусь тебе, Кончетта, он был здесь. Правда. Он, должно быть... тебя услышал. Я знаю, я чувствую — он за мной следит. Сначала у меня в кабинете, а теперь здесь, в спальне...

— Эльвира?

— Что?

— Эльвира, ты можешь выслушать меня *спокойно?*

— Хм...

— По-моему, у тебя расшалились нервы. Сделай глубокий вдох и ложись спать. Нет на чердаке никакого призрака.